

1. шка 86/3 п. 12 а 24

БРАТКОЕ СВѢДѢНІЕ

0

ЖИЗНИ И ТРУДАХЪ А. С. СТУРДЗЫ.

ОДЕССА,

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1854.

ИЗ СОБРАНИЯ
ВОРОНЦОВЫХ

6667

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕДИКОВА

Изъ Одесскаго Вѣстника 1854 года.

КРАТКОЕ СВѢДѢНІЕ

о

ЖИЗНИ И ТРУДАХЪ А. С. СТУРДЗЫ.

О милыхъ спутникахъ, которые сей свѣтъ
Своимъ присутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ*,
А съ благодарностію: *были*.

Жуковскій.

Четыре мѣсяца прошло, какъ угасла жизнь трудолюбца. Свѣжая его могила едва покрывается зеленью. Тихая о немъ грусть еще преисполняетъ сердца родныхъ его. А обширный кругъ его друзей, знакомыхъ и почитателей желаетъ читать сказанія о немъ. Имъ въ угодность предлагается это «Краткое свѣдѣніе» въ ожиданіи болѣе подробной біографіи, обѣщанной редакціей Одесскаго Вѣстника.

Александръ Скарлатовичъ Стурдза родился въ Яссахъ 18-го Ноября 1791 года, предъ самымъ переселеніемъ его родителей изъ Молдавіи въ Россію, тотчасъ по заключеніи Яскаго мирнаго договора между Россією и Портою. Посему, еще въ юности Александръ Скарлатовичъ писалъ: «Сынъ выходцевъ, я знаю мое отечество и держусь его оминаніямъ моихъ родителей. Родина же моя

ИЗ СОБРАНИЯ
ВОРОНЦОВЫХЪ

6667

Россія: все меня привязываетъ къ ней—вѣра, служба, привычка и мое сердце (1). Родители его пожертвовали многими выгодами, дабы водвориться подъ сѣнію державы православною, и любовь къ православію, какъ бы прирожденная младенцу, возгрѣвалась въ немъ кормилицею его (2).

Усыновленные Россіей, родители Стурдзы долго проживали съ дѣтьми своими, то въ столицѣ, то въ Бѣлорусской деревнѣ, одолевая всѣ препятствія въ доставленіи имъ приличнаго воспитанія, въ ту пору болѣе труднаго, чѣмъ теперь. И не тщетно было родительское самоотверженіе: подъ надзоромъ примѣрнаго наставника Іоанна Іосифа Допаня (3), доброе сѣмя ученія быстро принималось и развивалось на мягкой почвѣ прекрасно-одаренныхъ душъ. Когда же, въ 1803 г., на это семейство стала изливаться чаша скорбей: безвременная смерть двухъ старшихъ—сестры и брата, недуги родителей и лишенія всякаго рода, то все сіе до того подѣйствовало на пылкую душу отрока Александра, что онъ принесъ Богу обѣты, исполненію которыхъ посвятилъ свою жизнь (4).

Въ 1809-мъ году, благовоспитанный юноша Александръ Стурдза поступилъ на службу въ министерство ино-

(1) См. L'Histoire de mon enfance et de ma première jeunesse, écrite pour ma soeur. Cah. 1-er.

(2) «Вельзя умалчать объ этой простодушной христіанкѣ, пишетъ Александръ Скарлатовичъ въ жизнеописаніи своей сестры графини Эдлингъ;—она, кормя насъ грудью, питала и непрестанною молитвою, ибо даръ молитвы обиталъ и поселился въ ея душѣ такъ изобильно, что подобнаго сему явленія я не встрѣчалъ на тернистомъ пути жизни моей.»—Нѣсколько словъ къ друзьямъ, стр. 7.

(3) «Ию истинѣ, свидѣтельствуешь Александръ Скарлатовичъ въ вышеуказанномъ жизнеописаніи, любовь сего простодушнаго и ученаго христіанина къ родителямъ нашимъ и намъ крѣпка была, яко смерть. Тамъ же стр. 8.—За то и воспитавникъ поминалъ и молитвенно поминалъ его до конца своихъ дней.

(4) См. L'Histoire de mon enfance, cah. 2-eme.

странныхъ дѣлъ. Проникнутый чувствомъ долга (5), онъ съ строгою точностію исполнялъ всѣ служебныя обязанности; надѣленный же отъ Господа богатыми способностями, онъ отдавалъ все свободное время разнообразнымъ изученіямъ. Онъ трудился неутомимо (6), и—говоря его словами—«одной рукой сѣялъ, а другой пожиналъ», т. е. читалъ, и писалъ *опыты*. Въ этихъ опытахъ, естественно незрѣлыхъ и потому никогда не напечатанныхъ, уже проявляется истинно-вѣрующая душа, быстро идущая, *отъ силы въ силу*. Въ подтвержденіе сего стоило бы привести здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ *Опыта о таинственномъ* (7), напечатаннаго молодымъ труженикомъ въ 1810 г., а также изъ *Опыта объ основныхъ законахъ человеческой природы и общества* (8), четыре книги коего составлены имъ въ 1811-мъ и 1812-мъ годахъ; къ сожалѣнію, такіе отрывки не могутъ войти въ тѣсныя рамы «Краткаго свѣдѣнія». Въ одно время съ послѣднимъ сочиненіемъ былъ написанъ Стурдзою и *Опытъ учебнаго предначертанія для преподаванія Россійскому юношеству Греческаго языка*, громко одобренный обществомъ любителей Россійской словесности (9).

(5) Съ братскою откровенностію, онъ въ это время писалъ сестрѣ Роксандрѣ въ «L'Histoire de mon enfance»: «я не боюсь смерти,—чувство долга можетъ поставить меня выше опасностей.»

(6) Въ той же *Исторіи дѣтства* онъ призывается: «Это лѣто [1809] было для меня замѣчательною эпохою; въ шесть мѣсяцевъ я успѣлъ сдѣлать больше, чѣмъ въ предыдущіе 10 лѣтъ. Можетъ быть и правда, что въ природѣ ничто не дѣлается скачками, но думаю, для человѣка есть другой законъ.»

(7) Essai sur le Mystère, pour servir d'introduction à la théorie des sentimens mystérieux.

(8) Essai sur les lois fondamentales de la nature humaine et de la société.

(9) «А. С. Шишковъ радушно принялъ трудъ мой: *Опытъ о преподаваніи Россійскому юношеству Греческаго языка*, представилъ его на судъ собратій, и склонилъ ихъ прочесть отрывки изъ моего опыта, при первомъ публичномъ засѣданіи. Меня, разумѣется, пригласили на этотъ вечеръ, столько для меня памятный. Послѣ басень Крылова и другихъ изящныхъ

Замѣчательны въ семь опытъ послѣднія строки предисловія, показывающаго Русскимъ необходимость изученія языка Греческаго: «Латинскій языкъ полезенъ, нуженъ; но Греческій долженъ быть достояніемъ Русскихъ, дабы нѣкогда единовѣрныя поколѣнія могли соединиться». — Такъ быстрые успѣхи молодого человѣка радовали и даже удивляли родныхъ и друзей его, — самого же его не ослѣпляли: съ яснымъ самосознаніемъ христіанина, онъ смотрѣлъ на своего *внутренняго* *человѣка*, строго разбиралъ его качества и смиренно осуждалъ себя «на посредственность» (10). Чувствовалъ онъ и духовныя силы, таившіяся въ душѣ его; но, видя слабое ихъ дѣйствіе, негодовалъ самъ на себя и, послѣ минутныхъ увлеченій міромъ, восклицалъ: «любовь, слава, богатство, идолы человѣческаго сердца! еще нѣсколько лѣтъ, — и я съумѣю отречься отъ васъ — я научился мыслить! (11).»

произведеній, старецъ Шишковъ началъ читать въ слухъ мои пламенные страницы; Гнѣдичъ хвалилъ: всѣ прочіе аристархи почтили восемнадцатилѣтняго юношу своими одобряющими отзывами. «*Бесѣда Люб. Р. С. и Арзамасъ*, статья А. Скара.

(10) L'Histoire de mon enfance, cah. III-e. Вотъ еще строки изъ старческихъ его воспоминаній: «Было время, когда тихія занятія и мирная слава литератора казались мнѣ отроку и юношѣ завидѣйшимъ удѣломъ въ мірѣ; вездѣ ловилъ и *изящное*, оно очаровывало мое воображеніе, плѣняло всѣ помыслы души моей и навело меня на спасительную истину. Съ тѣхъ поръ я разстался съ житейскою мечтою, взлелеявшей молодость мою, полюбилъ спутника и пѣтуна божьестрогаго». *Бесѣда Люб. Р. С. стр. 2.*

(11) L'Histoire de mon enfance, cah. III-e. Кстати и благоприлично здѣсь привести одинъ примѣръ тогдашняго его мышленія. Какъ-то зимнимъ утромъ онъ встрѣтилъ 90-лѣтняго старика, который разсказалъ ему, что былъ ремесленникомъ и вдругъ потерялъ жену и дѣтей, что оставленный работниками и обезсиленный старостію, по неволѣ отказался отъ ремесла, и что свой долгій вѣкъ доживаетъ съ сестрою, въ тѣсной избушкѣ. Стурдза на другой день отыскалъ жалкое убѣжище разсказчика и такъ описывалъ сестрѣ свое съ нимъ свиданіе: «Благословляю небо, приведшее меня въ это скромное убѣжище. Видя здѣсь столько чистоты и простоты, соединенной

На такой степени духовнаго развитія засталъ Александра Стурдзу вѣчно-памятный 1812-й годъ, когда, скажемъ его же словами, «судьбы Божіи совершались во мракѣ; сердца Христіанъ бились сильнѣе; въ самыхъ чертогахъ Царскихъ развертывалась драма грозная, раждающая вдохновеніе и восторгъ, обставленная картинами христіанскаго величія и ратныхъ ужасовъ (12)». Въ Апрѣлѣ сего года Александръ Стурдза по дѣламъ службы отправился къ берегамъ Дуная, и оттуда убѣждалъ письмами своихъ родныхъ: все переносить съ твердостію и преданностію Промыслу Божію. Изъ Молдавіи, переѣхавъ въ Литву, Стурдза оставался при западной арміи до обратнаго перехода враговъ чрезъ Нѣманъ. Во все это время онъ служилъ и дружилъ съ графомъ Іоанномъ Каподиетріей, человѣкомъ необыкновеннымъ по уму и сердцу, котораго въ письмахъ къ любимой сестрѣ Роксандрѣ онъ называетъ «другомъ замѣняющимъ всѣхъ далекихъ родныхъ». Въ этихъ же письмахъ онъ является мыслящимъ свидѣтелемъ великихъ событій, подъ влияніемъ ихъ и благотворной дружбы все болѣе зрѣющимъ душою и все болѣе увѣреннымъ въ славномъ для Россіи исходѣ страшнаго войны.

По изгнаніи непріятеля изъ Россіи, Александръ Стурдза приведенъ былъ службою сперва въ Петербургъ, а по-

съ такою бѣдностію и погребенной въ такой избушкѣ, я болѣе чѣмъ когда либо убѣдился, что земля есть мѣсто ссылки. Когда насыщенный днями старецъ говорилъ мнѣ о надеждахъ бѣднаго, о радостяхъ жизни будущей, о милосердіи Божіемъ и съ одушевленіемъ описывалъ красоты небеснаго Іерусалима, — мое сердце расширялось отъ удивленія и радости. Хозяинъ мой, открывъ Евангеліе, показывалъ мнѣ пальцемъ обѣтованія Сына человѣческаго, — я раздѣлялъ счастье бѣдняка, я вмѣстѣ съ нимъ благословлялъ Утѣшителя. Въ подобныя минуты я могу сказать съ Мильтономъ, что *молчаніе* смиренной хижинѣ *восхитительно*.» Чрезъ два мѣсяца, узнавъ о внезапной смерти старика, Стурдза не могъ не поплакать съ сестрою покойнаго.

(12) *Нѣсколько словъ къ друзьямъ*, стр. 10.

томъ въ Вѣну и Парижъ, гдѣ и трудился подъ руководствомъ графа Каподистрии, пока не возвратился съ нимъ въ Россію въ Январѣ 1816 г. Пребываніе за границею въ такое исторически-важное время должно было произвести и произвело на воспримчивую душу Стурдзы сильное и многостороннее вліяніе, плодомъ коего между прочимъ было и написанное имъ въ этомъ году сочиненіе: *Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise orthodoxe* (Разсужденія объ ученіи и духѣ православной Церкви). Къ такому сочиненію писатель былъ вызванъ происками нѣкоторыхъ христіанъ западной церкви, старавшихся распространить между православными сомнѣнія о чистотѣ догматовъ Церкви восточной. «Возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмы» — вотъ съ какою мыслию Стурдза приступилъ къ сочиненію своей книги⁽¹³⁾; и вотъ слова, которыми онъ заключилъ ее: «Богъ щедротъ, вѣчный ходатай, Духъ мира и свѣта, Богъ силы, премудрости и любви безконечной да соединитъ нѣкогда всѣ христіанскія исповѣданія, да соберетъ всѣ племена подъ знаменіе креста и да введетъ повсюду поклоненіе *духомъ и истиною* (Іоан. IV. 23.). *Невозможная у человекъ, возможна суть у Бога* (Лук. XVIII. 27.). Съ любовію написанная, книга эта, по отпечатаніи, благотворно коснулась многихъ сердець; блаженной памяти патріарха Кирилль Константинопольскій и Поликарпъ Іерусалимскій письменно благодарили писателя «за этотъ трудъ, весьма полезный для христіанъ»⁽¹⁴⁾, который, — замѣтимъ мимоходомъ, былъ переведенъ на языки Нѣмецкій, Англійскій и Греческій. Между тѣмъ, *житейское море напастей бурей* воздвиглось на Стурдзу въ 1817 году: молодой семьянинъ, онъ лишился любимой жены въ

(13) Это изреченіе изъ литургіи Златоуста написано имъ въ заглавіи черновой рукописи.

(14) Подлинныя ихъ грамоты хранятся при рукописи *Considerations*.

тѣ минуты, когда надвѣялся быть отцомъ, около того же времени онъ оплакалъ отца, наставленіемъ котораго приписывалъ свое духовное развитіе, и младшую сестру, съ которою въ дѣтствѣ давалъ обѣтъ жить для Бога и родителей. На Господа возвергнувъ свою печаль, Стурдза вышелъ изъ подъ бури напастей тѣмъ крѣпшимъ, тѣмъ дѣятельнѣйшимъ. Неумоимо исполняя обязанности службы по министерству иностранныхъ дѣлъ, онъ, по приглашенію тогдашняго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, принялъ (въ 1818 г.) участіе въ совѣщаніяхъ и трудахъ главнаго правленія училищъ. — «Надежда быть истинно полезнымъ подъ руководствомъ такого начальника, — мы приводимъ собственные слова Стурдзы⁽¹⁵⁾, — склонила его послѣдовать внушенію лестной для сердца его довѣренности. При самомъ приступѣ къ дѣлу, онъ избранъ былъ гг. присутствовавшими въ главномъ правленіи училищъ членомъ ученаго комитета», въ каковомъ званіи онъ ревностно занимался составленіемъ инструкцій, проектовъ и мѣній касательно народнаго просвѣщенія, а также пересмотромъ учебныхъ книгъ. При всѣхъ этихъ должностяхъ, А. С. Стурдза успѣвалъ еще удѣлять время литературѣ; извѣстный уже по книгѣ *Considérations*, онъ захотѣлъ писать и по Русски: *Разсужденіе о благодѣтельности частной и общественной*, и еще: *О любви къ отечеству*, явились тогда на судъ публики въ журналѣ Императорскаго человеколюбиваго общества, коего онъ былъ членомъ съ 1816 г., и приобрѣли автору одобреніе благомыслящихъ людей⁽¹⁶⁾. Занятія сіи прерваны были поѣзд-

(15) Краткая записка о службѣ дѣйствительнаго ст. совѣтника Стурдзы по министерству духовн. дѣлъ и народ. просв.

(16) «Всего дороже было для меня сужденіе Карамзина. Я передалъ ему статьи мои, чрезъ посредство общаго пріятеля, и получилъ изъ устъ его отзывъ знаменитаго историка, самый одобрительный и для новичка лестный». *Воспоминанія А. Стурдзы о Карамзинѣ*.

кой Александра Скарлатовича за границу, по случаю Ахенскаго конгресса. Тамъ печатной запиской о тогдашнемъ состояніи Германіи Стурдза внушилъ Германскимъ правительствамъ мысль о преобразованіи университетовъ, но за то и возбудилъ къ себѣ ненависть университетской молодежи, отъ кинжала которой едва спасся поспѣшнымъ бѣгствомъ въ Россію⁽¹⁷⁾. По возвратѣ въ отечество, А. С. Стурдза ~~долженъ~~ былъ взять отпускъ для пользованія зрѣнія, крайне разстроенаго напряженными трудами⁽¹⁸⁾. Такимъ образомъ съ половины 1819-го до половины 1821-го года онъ провелъ въ деревнѣ, неохотно уступая необходимости леченія и отдыха. Тѣмъ не менѣе, привыкнувъ къ сильной дѣятельности, трудолюбецъ не могъ оставаться совершенно празднымъ. Отсюда и при леченіи, съ помощію даннаго ему сотрудника, онъ продолжалъ свои посильныя занятія по службѣ. Кромѣ того онъ усердно старался объ устройствѣ сельскаго училища и составлялъ для учителей инструкціи, а для учениковъ наставленія, постоянно держа *единаго на потребу* (Лук. X. 42). Можетъ быть, отъ такихъ, хоть и посильныхъ, трудовъ не успѣшно было леченіе больнаго: три болѣзненные операціи не улучшили его зрѣнія; пріѣхавъ въ Петербургъ въ Октябрѣ 1821-го

(17) Ничто такъ не обнаруживаетъ *внутренняго чело-вѣка* какъ опасность смертная. Грозимый ею, вотъ что Стурдза писалъ сестрѣ Роксандрѣ, изъ Дрездена отъ 15/25 Февраля 1819 г.: «Благодаря Бога, я довольно спокоенъ и покоренъ всѣмъ испытаніямъ, какія Онъ посылаетъ мнѣ и какія я заслужилъ моими грѣхами. *Отъ тайныхъ моихъ очисти мя Боже*, — вотъ все, что могу я написать съ Царемъ-Пророкомъ.» А 15/27 Февраля онъ писалъ матери: «Благословенъ Господь! Подождемъ терпѣливо, что Ему благоугодно будетъ ниспослать намъ.»

(18) Еще въ Апрѣлѣ 1818 года онъ писалъ сестрѣ Роксандрѣ: «Департаментъ народнаго просвѣщенія даетъ мнѣ много занятій. Если угодно Богу, онъ не будутъ безплодны. Усердія у меня станеть; но иногда недостаетъ мнѣ глазъ.»

г.⁽¹⁹⁾, Александръ Скарлатовичъ весною 1822 г. уже просилъ и достигъ новаго безсрочнаго отпуска, съ позволеніемъ поселиться въ Одессѣ.

Здѣсь однакоже Александръ Скарлатовичъ не вдругъ устроился и утвердился. Въ 1823 г. онъ принужденъ былъ нездоровьемъ второй своей жены съѣздить на воды за границу. По той же причинѣ, а также и для улучшения своихъ глазъ, онъ провелъ лѣто 1825 г. въ Эмсѣ, а зиму и весну 1826 г. въ Парижѣ. «Путешественникъ противъ воли»⁽²⁰⁾, уже «многообразно искушенный и переплавленный въ горнилѣ испытаній житейскихъ»⁽²¹⁾, онъ не развлекался перемѣною мѣстъ, преобладаемый въ то время одною могучею мыслью, однимъ господствующимъ чувствомъ. Еще съ 1821-го года, съ роковой минуты возстанія Греціи, онъ съ сердечнымъ участіемъ слѣдилъ за судьбою этихъ, какъ говорилъ и писалъ онъ, — «братій его по вѣрѣ и крови»⁽²²⁾. Чѣмъ далѣе шла ихъ отчаянная борьба съ тиранствомъ Турціи, — тѣмъ пламениѣе онъ желалъ помогать имъ сколько возможно словомъ и дѣломъ. Съ такимъ намереніемъ А. С. Стурдза обнародовалъ въ 1823 г. сочиненіе: *La Grèce en 1821 et 1822* (Греція въ 1821 и 1822 г.), развернувшее предъ Европой поразительную картину націи, три слишкомъ столѣтія подавляемой желѣзнымъ игомъ магометанъ и все таки оживяемой и крѣпимой вѣрою во Христа Спасителя. Не довольствуясь симъ, Александръ Скарлатовичъ изыскивалъ всѣ способы, ему доступные, для

(19) Въ это время написаны Александромъ Скарлатовичемъ статьи: 1, О вліяніи земледѣльческихъ занятій на умственное и нравственное состояніе народовъ; 2, О признакахъ истины; и 3, Обращеніе Оссетинцевъ и Удовъ въ христіанскую вѣру.

(20) «Никогда не путешествовалъ я для удовольствія, никогда я не любилъ путешествій». *Записная книжка путешественника противъ воли.*

(21) *Воспоминанія о Н. М. Карамзинѣ*, стр. 5.

(22) Мать его была изъ Греческаго дома князей Мурузи.

дѣятельнаго облегченія своихъ несчастныхъ собратій. Въ этомъ усердно содѣйствовала ему единственная, въ живыхъ оставшаяся, сестра его Роксандра Скарлатовна, по мужу графиня Эдлингъ, которая, склонивъ супруга переселиться изъ Германіи въ Россію, съ 1824 г. основалась въ Одессѣ. Единокровные по родителямъ, единокровные о Христѣ сестра и братъ всячески старались обезпечивать спасавшіяся въ Россію отъ Турецкаго душегубства бездомныя, Греческія семейства, ходатайствовали за нихъ, переписывались съ княземъ А. Н. Голицынымъ, — и, при его помощи, осуществили святую мысль о сборѣ по всей Россіи пособій для единовѣрцевъ, а также о второмъ богатомъ сборѣ на выкупъ изъ Турецкаго плѣна многихъ тысячъ злосчастныхъ Хіосцевъ и Критянъ ⁽²³⁾. Путешествіе за границу брата, хотя и разлучило его съ сестрою, но совокупной ихъ дѣятельности нисколько не помѣшало; напротивъ, еще усилило ее, какъ это видно изъ переписки ихъ, въ которой они болѣе всего обмѣнивались новостями о Греціи, о лицахъ къ ней расположенныхъ, о задуманныхъ въ пользу ея предпріятіяхъ, — къ какимъ возбуждались они самою разлукою. Такъ А. С. Стурдза, находясь въ Парижѣ, въ этой — по его выраженію — «пространной пустынѣ людей», началъ писать для своихъ «собратій», на простомъ ихъ языкѣ, — Ручную книгу православнаго христіанина ⁽²⁴⁾. Съ такимъ обильнымъ сочувствіемъ содѣйствуя освобожденію,

⁽²³⁾ Скромный и смиренный, Александръ Скарлатовичъ, въ жизнеописаніи сестры, приписываетъ всѣ эти подвиги только ей одной; но равносильное, если еще не большее его участіе въ нихъ вполнѣ открывается изъ другихъ семейныхъ бумагъ.

⁽²⁴⁾ Книга сія, замѣчательная зрѣлостію содержанія и простотою изложенія, окончена авторомъ уже въ Россіи, и напечатана въ С.-Петербургѣ, по одобренію и благословенію св. синода. Она немедленно была переведена на Русскій языкъ почтеннымъ Е. Ю. Дестунисомъ и напечатана въ 1829 г., а 2-мъ изданіемъ въ 1849 г.

Греціи, братъ и сестра утѣшились и успокоились, когда «вѣрнѣйшій другъ ихъ дома», графъ Іоаннъ Каподистрія, подъ громами Наваринской битвы, избранъ былъ наконецъ, правителемъ Элады ⁽²⁵⁾.

Изъ Парижа А. С. Стурдза возвратился въ Одессу, опять не надолго: вскорѣ онъ поѣхалъ въ С.Петербургъ, а оттуда въ Апрель 1828-го г. былъ отправленъ въ Букарестъ по особымъ порученіямъ, а также — по случаю открывшейся войны съ Турціей — для управленія походною канцелярією министерства иностранныхъ дѣлъ и для содѣйствія полномочному предсѣдателю дивановъ Молдавіи и Валахій, въ дѣлахъ управленія и образованія того края ⁽²⁶⁾. То были послѣднія дипломатическія занятія Александра Скарлатовича: 29-го Апрѣля 1830 г., по прошенію его, Всемилостивѣйше онъ уволенъ былъ отъ службы съ пожалованіемъ въ тайные совѣтники.

Выйдя по слабости здоровья и особенно зрѣнія изъ службы дѣйствительной, А. С. Стурдза окончательно поселился въ Одессѣ и, по примѣру своей возлюбленной сестры положилъ до конца жизни «постоянно искать сочетанія полезнаго съ пріятнымъ, спокойствія съ трудолюбіемъ, удовлетворенія житейскихъ нуждъ съ высшими потребностями челоѣка и христіанина ⁽²⁷⁾». Держась сего правила, онъ и въ тѣсномъ кругу частной дѣятельности сѣмѣлъ найти просторное поприще для талантовъ, ему ввѣренныхъ Небеснымъ Домовладыкою. Рабъ Его, ужъ никакъ не льливый и не лукавый, Стурдза, гдѣ только могъ и какъ только могъ, старался дѣлать духовную куплю, не опасаясь прослыть челоѣкомъ безпокойнымъ. За то и сбылось надъ нимъ слово Господне: *имущему вездѣ дано будетъ*

⁽²⁵⁾ Нѣсколько словъ къ друзьямъ, стр. 15.

⁽²⁶⁾ Формулярный списокъ.

⁽²⁷⁾ Нѣсколько словъ къ друзьямъ, стр. 17.

и преизбудеть (Матѣ. XXV, 29). Частная дѣятельность трудолюбца часто переполняла семейный кружокъ и выступала за черту Одессы, даже за границу Россіи, касаясь единовѣрнаго дѣятелю востока, соплеменнаго ему юга и дальняго запада. Конечно, не въ »Краткомъ свѣдѣніи« можно представить все ея движеніе; здѣсь достаточно указать только на нѣкоторыя, особенно замѣтныя черты ея.

Старательное воспитаніе единственной дочери⁽²⁸⁾ и горячее участіе въ благотворительныхъ подвигахъ сестры — вотъ что главнымъ образомъ занимало Александра Скарлатовича, тотчасъ по выходѣ его въ отставку. Вскорѣ (въ 1831 г.) насильственная и безвременная смерть лучшаго его друга графа І. А. Каподистрія, глубоко опечаливъ его, наложила на него обязанность — описать прекрасную жизнь этого — по выраженію Жуковскаго — христіанскаго Аристеда, стезею неимовѣрныхъ превратностей пришедшаго къ страдальческому вѣнцу⁽²⁹⁾. Исполнивъ долгъ дружбы, Стурдза, по чувству благодарности къ усыновившей его Россіи, пожелалъ сообщить вѣрныя и точныя о ней свѣдѣнія Европѣ и написалъ довольно пространное сочиненіе: *Notions sur la Russie*, (Свѣдѣнія о Россіи)⁽³⁰⁾. Въ то же время, содѣйствуя образова-

(28) Занимаясь имъ, опытомъ онъ постигъ коренный законъ воспитанія: »въ отношеніи къ *спирт* и *правамъ* кротко, но постоянно и неусыпно противоdѣйствовать врожденнымъ склонностямъ дѣтей; а въ отношеніи къ *уму* внимательно наблюдать за ходомъ способностей умственныхъ, слѣдовать ихъ направленію и насильственно не устремлять оныхъ къ персроднымъ предметамъ ученія,» — что отецъ воспитатель и поспѣшилъ высказать въ сочиненіи не большомъ по объему, но боильномъ по содержанію, озаглавивъ оное: *Впра и виденіе, или разсужденіе о необходимомъ согласіи въ преподаваніи религіи и наукъ питомцамъ учебныхъ заведеній*. Оно напечатано въ 1833 г.

(29) Подробное жизнеописаніе графа І. А. Каподистрія, написанное по русски, остается въ рукописи; а сокращенное напечатано въ 1839 г. при »Correspondance du C-te Capodistria«.

(30) И это сочиненіе доселѣ необнародовано.

шемуся въ Одессѣ женскому благотворительному обществу, онъ принялъ живое участіе въ изданіи двухъ альманаховъ⁽³¹⁾. Въ такихъ занятіяхъ Ал. Скарлат. встрѣтилъ 1836-й годъ, весною котораго онъ оставилъ на время Одессу, для поправленія здоровья и для свиданія съ своимъ тестемъ, извѣстнымъ врачомъ Х. В. Гуфеландомъ. «Вотъ человекъ, съ которымъ я желалъ бы провести мою жизнь, дабы съ услажденіемъ вазидаться и исправляться отъ недостатковъ», — изъ Берлина писалъ Александръ Скарлатовичъ сестрѣ⁽³²⁾; тѣмъ не менѣе онъ не долго пробылъ тамъ, поспѣшая пользоваться цѣлительными водами Германіи. Оттуда онъ заглянулъ въ Швейцарію, горныя красоты которой произвели на него глубокое впечатлѣніе⁽³³⁾. Но только заглянулъ, ибо, по случаю неожиданной смерти Гуфеланда, онъ принужденъ былъ снова посѣтить Берлинъ для устройства семейныхъ дѣлъ⁽³⁴⁾. Въ Берлинѣ Ал. Ск. прежде всего написалъ,

(31) Одинъ Русскій — »Поларокъ бѣднымъ«, другой Французскій — »La Quêteuse«; вышли въ свѣтъ въ 1834 г.

(32) Изъ Берлина, отъ 2/1, Іюня 1837.

(33) Вотъ для примѣра, одинъ отрывокъ изъ его письма къ матери и сестрѣ; изъ Oberried près Berne отъ 18/08 Августа 1836 г. »Въ твореніи нѣтъ ничего болѣе великаго, болѣе идеальнаго и прекраснаго, какъ виды, созерцаемые нами въ потѣ лица. Эти горы-исполины, до пояса прикрытыя облаками, эти водопады, летящіе съ высочайшихъ вершинъ и эти озера, голубыя и глубокія, окруженныя тройною цѣнью горъ, расположенныхъ этакими, все это, возлюбленныя, дивитъ и умиляетъ сердце. Но чтобы хорошенько измѣрить высоты вершинъ коимъ дивишься, нужно видѣть у подножія ихъ дѣла человекъ: города, церкви, башни; скажешь тутъ: Нюрнбергскія то игрушки. Въ семь Европейскомъ Тибетѣ, въ сихъ куполахъ зелени, сплошнаго камня и вѣчныхъ льдовъ Богъ благоволилъ дать намъ точку опоры для размышленія о величіи Его«.

(34) »Увы, писалъ Алекс. Скарл. сестрѣ, намъ досталось осушить чашу горести самой горькой. Я не могу не упрекнуть себя за поспѣшность, съ какою оставилъ я Берлинъ, послѣ 15-ти дней соединенія. Онъ имѣлъ печальное предчувствіе, ибо сказалъ мнѣ въ день отъѣзда: »двѣ недѣли, — право слишкомъ мало времени; я не пустилъ бы васъ въ дорогу, еслибъ этого

огъ избытка сердечнаго, очеркъ христіанской жизни и дѣятельности своего покойнаго тестя; потомъ, встрѣтя молодыхъ своихъ родственниковъ, прибывшихъ туда для образованія, — онъ удосужился по пятницамъ бесѣдовать съ ними о единомъ на потребу, изъ чего и составились *Etudes religieuses, historiques et morales* ⁽³⁵⁾. Пользуясь же пребываніемъ въ столицѣ Германской учености, онъ самъ посѣщалъ Берлинскій университетъ и слушалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ: Ганса — объ естественномъ правѣ, Неандера — объ исторіи догматовъ, и Дове — о физикѣ. »Эго, писалъ онъ сестрѣ отъ 5/15 Декабря, даетъ предметъ для размышленія.« Онъ любилъ размышлять по заповѣди Апостольской: *вся искушающе, добрая держите* [1 Сол. V, 20]. И въ большой міръ Берлинскій долженъ былъ являться путешественникъ, хотя и признавался сестрѣ: »ахъ, какое двойное бремя, — жизнь и міръ! какъ ни мало я пользуюсь имъ, но всегда мнѣ кажется, что слишкомъ много.« Перезимовавъ въ Берлинѣ, Ал. Ск. встрѣтилъ весну 1837 г. въ Германіи на водахъ, а лѣтомъ былъ уже въ Россіи, въ Одессѣ. Здѣсь опять онъ повелъ обычную тихую жизнь, заключенную въ тѣсномъ кружкѣ немногихъ родныхъ и знакомыхъ, но переполненную обширной перепиской, литературными занятіями, тайной благотворительностію и явнымъ участіемъ въ тѣхъ полезныхъ предпріятіяхъ, къ которымъ его приглашали. Такъ, въ концѣ 1837 г., по приглашенію жителей Одессы, онъ присутствовалъ въ видѣ депутата при слѣдственной коммисіи учрежденной въ городѣ по случаю чумной заразы. Въ то же время онъ участвовалъ въ трудахъ общества сельска-

не требовало ваше здоровье.« Человѣкъ слѣпъ и всякій разъ платится, когда попускаетъ себя увлечься второстепенными побужденіями. Вотъ случай сказать: *яже волею и неволею прости намъ.*»

⁽³⁵⁾ Напечатаны въ 1837, а, 2-мъ изданіемъ въ 1843; онъ переведены на языки: Греческій, Русскій и Молдавскій.

го хозяйства южной Россіи, а вскорѣ за симъ, какъ одинъ изъ членовъ основателей, потрудился при устройствѣ общества исторіи и древностей Новороссійскаго края. Равнымъ, если еще не бѣльшимъ образомъ, потрудился Ал. С. при основаніи въ Одессѣ женскаго воспитательнаго монастыря. Радости и скорби семейныя не мѣшали симъ трудамъ, хотя и глубоко отзывались въ нѣжномъ сердцѣ трудолюбца: тѣ и другія онъ принималъ за «благія внушенія свыше». »Да, — сестрѣ писалъ онъ, счастливый супружескимъ счастіемъ своей дочери — когда живешь счастливо и вѣсть — всегда покушаешься восклицать съ Петромъ: *добро есть намъ здѣь быти: и сотворимъ съни три* (Лук. IX. 33). Но, кажется, этого не должно быть на сей землѣ«. А о смерти матери и тетки онъ признавался ей же: »это молнія жизни будущей, и одна за другой онѣ слѣдуютъ съ быстротой ужающей«. Можно сказать, что подъ вліяніемъ сихъ внушеній, еще болѣе онъ трудился, по слову Апостольскому, *искупующе время* (Ефес. V, 16). Именно въ годъ смерти своихъ родныхъ, Ал. Ск. »посвящаетъ часы уединенія и досуга на выполненіе мысли, возобладавшей умомъ и сердцемъ его«, на составленіе *Писемъ о должностяхъ священнаго сана*. Зрѣлый плодъ зрѣлыхъ лѣтъ, это сочиненіе, важное по содержанію, объему и цѣли, имѣло особенный успѣхъ: въ четыре года разошлось четыре его изданія ⁽³⁶⁾. Радуюсь тому, Ал. Ск. говорилъ: »Благословенъ Богъ! одинъ Онъ можетъ, послѣ цвѣтковъ и листьевъ дерева, умножить плоды«, и благодаря Господа, смирялся предъ нимъ, »вѣдущимъ, на сколько писатель далекъ отъ своего творенія«, и смиряясь продолжалъ трудиться, переводя «Пространный катихизисъ» преосв. Филарета на Греческій языкъ, для

⁽³⁶⁾ 1-е изданіе въ 1840 г., 2-е въ 1843, 3-е въ 1843 и 4-е въ 1844 г. Кстати замѣтимъ, что оно переведено на Молдавскій и Греческій языки.

скудной книгами Церкви греческой⁽⁵⁷⁾. Между тѣмъ лѣта брали свое, и если душа труженника обновлялась юностию орлею (Псал. 102. 5), то тѣло его ветшало и болѣло, и плохо служило неутомимой его дѣятельности. Эго огорчало его и писалъ онъ сестрѣ: «нѣхота погруженъ я въ бездѣйствіе, съ чѣмъ впрочемъ нужно свыкаться, ибо такова воля Божія». Но тутъ же прибавлялъ: «тѣмъ не мѣше, по Божіей благодати, я живу тройною жизнью, потому что человекъ—я мыслю, христіанинъ—я молюсь, и грѣшникъ—я страдаю». Памятниками тогдашнихъ его мыслей остались между прочимъ, статьи: *Ньчто о философіи христіанской; Ньчто объ этимологіи и эстетикѣ по отношенію къ исторіи и наукѣ древностей, и Идеалъ и подражаніе въ изящныхъ искусствахъ*,—всѣ три напечатанныя въ Москвитянинѣ; — не напечатанныя: *Souvenirs et portraits* ⁽⁵⁸⁾, и планъ большаго сочиненія *О воспитаніи христіанскомъ*.

Въ 1843 г. А. С. Стурдза въ послѣдній разъ посѣтилъ землю оцевъ своихъ—Молдавію. Какъ ни кратко-временно было пребываніе его тамъ, однакоже минутный гость успѣлъ, по приглашенію князя Михаила Стурдзы, дѣятельно содѣйствовать преобразованію Сокольской семинаріи, сообразно правиламъ и духу православной Церкви. Принявъ на себя званіе попечителя семинаріи, Ал. Ск. и по возвратѣ въ Россію, не переставалъ заботиться о семъ единственномъ въ Молдавіи духовномъ училищѣ до 1847 г., когда кончилось его попечительство. И въ этомъ случаѣ, какъ

⁽⁵⁷⁾ Переводъ этотъ, изданный въ 1840 г., въ 1850 уже былъ изданъ вторично.

⁽⁵⁸⁾ Вотъ ея содержаніе: 1, *Le comte Marie-Joseph de Maistre*; 2, *Le baron de Stein*; 3, *Eugène Boulgaris et Nicéphore Théotokis*, и 4. *Le solitaire de Mysône*. Изъ нихъ третья статья о Булгарисѣ и Θεοτοки напечатана была въ Русскомъ переводѣ въ Москвитянинѣ.

и во всѣхъ обстоятельствахъ житейскихъ онъ былъ вѣренъ своему правилу: *быть, а не казаться*.

Въ началѣ 1844 г. «рука Божія—скажемъ словами Ал. Скарл.,—порицала его въ томъ, что съ ранняго дѣтства было для него дороже всего»—онъ лишился сестры и второй матери, графини Р. С. Эдлингъ. Велика была потеря его и глубока была его скорбь. И однакоже со смиреніемъ и любовію принялъ онъ наказаніе Небеснаго Отца; съ послушаніемъ и усердіемъ примѣрнаго брата онъ занялся исполненіемъ всѣхъ предсмертныхъ порученій покойницы. Съ тою же покорностію и самопреданіемъ волю Божіей онъ перенесъ въ 1845 г. раннюю смерть своего втораго внука Александра, съ которымъ онъ похорошилъ много завѣтныхъ надеждъ. Эта могила еще не покрылась зеленью, какъ Ал. Скар. долженъ былъ предпринять путешествіе за границу. «Нашъ внезапный отъѣздъ,—писалъ онъ въ Записной книжкѣ путешественника противъ воли⁽⁵⁹⁾,—былъ слѣдствіемъ безусловной покорности, былъ жертвою не вопли произвольною для возстановленія тѣлеснаго здоровья, при всемъ отвращеніи къ новымъ впечатлѣніямъ и вообще ко всему, что нарушаетъ порядокъ мирныхъ моихъ занятій. Кромѣ того, мнѣ надобно было предать забвенію важнѣйшія семейныя дѣла. Я бросилъ ихъ въ сторону съ усиліемъ и принужденіемъ себя, въ чемъ заключается, если не полное ручательство въ успѣхѣ, то по крайней мѣрѣ предохранительное средство отъ всякаго поздняго раскаянія». И не раскаялся Ал. Ск., что перезимовалъ въ Италіи: здоровье его и присныхъ его значительно поправилось подъ благословеннымъ небомъ; живя въ Пизѣ, онъ напечаталъ свой Французскій переводъ литургіи св. Іоанна Златоуста, перевелъ и напечаталъ [въ Монпелье] Первую седмицу Великаго поста, преосв. Иннокентія. Съ этими трудами и съ обильнымъ запасомъ путевыхъ впечатлѣній

⁽⁵⁹⁾ Напечатанной въ 1-й книжкѣ Москвитянина 1847 г.

тлѣній, путешественникъ противъ воли возвратился на родину лѣтомъ 1847 г.

Съ того времени и до смерти своей, А. С. Стурдза не оставлялъ Россіи, его усыновившей и милой ему. Живя главнымъ образомъ въ Одессѣ, онъ по временамъ, обыкновенно весною, лѣтомъ или осенью переселялся то на приморскій хуторъ—названный имъ Пріютомъ,—то въ Бессарабское помѣстье Манзырь, то въ деревню своей дочери. Но гдѣ Ал. Ск. ни жилъ, вездѣ держался обычнаго порядка въ своихъ занятіяхъ, а оттого, не смотря на немощи тѣлесныя, успѣвалъ дѣлать многое. Не говоря о перепискѣ, которую онъ неутомимо поддерживалъ и которая касалась Европы и Азій,—не говоря и о чтеніи, которымъ онъ услаждался и наставлялся непремѣнно каждый день,—онъ сколько могъ продолжалъ свои литературные труды, посвящая ихъ главнымъ образомъ на пользу православной Церкви; такъ онъ перевелъ Первую седмицу Великаго поста⁽⁴⁰⁾, предугадывая великое отъ нея назиданіе для христіанъ Греческихъ. А ободренный благоприятнымъ впечатлѣніемъ, съ какимъ въ Европѣ приняли Французскій ея переводъ, Ал. Ск. перевелъ на Французскій языкъ и обнародовалъ: Избранныя слова и Рѣчи высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго⁽⁴¹⁾. На тотъ же языкъ онъ перевелъ и Сокращенный молитвословъ⁽⁴²⁾. Не довольствуясь переводами, онъ издалъ еще собственное сочиненіе *Le double parallèle*⁽⁴³⁾. Служа своими сочиненіями и переводами общенію и сближенію Церквей Русской и Греческой, Ал. Ск. по временамъ знакомилъ Русскихъ читателей съ православнымъ востокомъ статьями: о *новѣйшихъ*

⁽⁴⁰⁾ Напечатана въ Афинахъ въ 1846 г.

⁽⁴¹⁾ Переводъ этотъ напечатанъ въ 1847 г.

⁽⁴²⁾ Напечатанный въ 1852 г. въ Парижѣ.

⁽⁴³⁾ *Le double parallèle* переведено на Греческій языкъ и напечатано въ Константинополѣ.

тамъ *событіяхъ* и о развитіи *духовной жизни и словесности*⁽⁴⁴⁾.—Въ тоже время онъ признавалъ «внутреннимъ объѣтомъ и призваніемъ его старости» писать «вспоминанія» о замѣчательныхъ современникахъ, которыхъ онъ встрѣчалъ и лично зналъ на дорогѣ жизни⁽⁴⁵⁾. Вотъ почему онъ разновременно посвятилъ нѣсколько страницъ, внушенныхъ вѣрною памятію сердца, О. Аникиту, въ мѣрѣ князю Шихматову, князю А. П. Голицыну, М. Л. Магницкому, Н. М. Карамзину, И. Н. Изову, В. А. Жуковскому и Н. В. Гоголю,—стараясь представить читателю не столько *внѣшнюю*, сколько *внутреннюю* ихъ *человѣка*⁽⁴⁶⁾. Впрочемъ литературныя занятія все труднѣе становились для него⁽⁴⁷⁾: зрѣніе его, издавна поврежденное, стало подъ старость чувствительно измѣнять труженику, и это онъ называлъ «труднымъ началомъ *сердечнаго обрѣзанія* (Колос. 2. II.)», заповѣданнаго апостоломъ. Вообще скажемъ, примѣняясь къ апостольскому выраженію (2 Кор. IV. 16),—*внѣшній человекъ* труженика постепенно предавался *тлѣнью* и старецъ признавался дочеря: «ахъ, на закатѣ жизни очень трудно челоѣческому уму обитать въ развалинахъ тѣла!» И однакоже «вѣчно-юный умъ и воображеніе старца теплились и сіяли въ дряхлѣющемъ тѣлѣ, словно священный огонь въ стѣнахъ полуразрушеннаго храма⁽⁴⁸⁾».

Чувствуя постоянное, хотя и не всѣмъ примѣтное разрушеніе *земной своей храмины* (2 Кор. V. I.), Ал. Ск.

⁽⁴⁴⁾ Статьи эти онъ помѣшалъ главнымъ образомъ въ Москвитянинѣ.

⁽⁴⁵⁾ См. воспоминанія о И. Н. Изовѣ.

⁽⁴⁶⁾ Статьи эти напечатаны частію въ Одесскомъ Вѣстникѣ, частію въ Москвитянинѣ разныхъ годовъ.

⁽⁴⁷⁾ Тѣмъ не менѣе, время отъ времени, онъ не переставалъ писать и печатать небольшія статьи, исчислять которыя здѣсь излишне.

⁽⁴⁸⁾ По истинѣ эти выраженія Ал. Ск. о маркизѣ Пауллуччи (см. Пам. книж. путешественника противъ воли), можно и должно примѣнить къ нему самому.

заранѣе сталъ отрѣшаться отъ жигейскихъ тревогъ и попеченій: еще за нѣскольکو лѣтъ до смерти онъ уклонился отъ участія въ тѣхъ благотворительныхъ и ученыхъ обществахъ, коихъ онъ былъ или членомъ или главнымъ двигателемъ.

Болѣзнь постигшая его въ 1852 г. вполнѣ оправдала благовременность его приготовленій. Болѣзнь эта, по собственному сознанию страдальца ⁽⁴⁹⁾, «жестокая и спасительная, ему ниспослана была свыше, какъ горнило очищенія, необходимаго, дабы на шестьдесятъ—первомъ году жизни могъ онъ приготовить себя заранѣе къ кончинѣ христіанской». Больной былъ при смерти, и къ жизни возвратился сверхъ всякаго чаянія. Это возвращеніе шло медленно и трудно: «Слава Богу и за то, писалъ въ это время Ал. Ск., авось впередъ доучусь живой вѣрѣ и самопреданію». Съ этой болѣзни старецъ сталъ еще рѣшительнѣе удосуживаться отъ всего житейскаго, не переставая только заботиться объ основанномъ имъ домѣ сердобольныхъ сестеръ ⁽⁵⁰⁾, и съ сердечнымъ участіемъ слѣдить за ходомъ современныхъ событій. Но всего лучше привести здѣсь отрывокъ изъ письма его къ другу П. «Т. М-ву; «Тяжело будетъ мнѣ старцу не дожить до дней избавленія, которыхъ такъ пламенно желали и не узрѣли предки и отцы мои.

(49) Въ письмѣ къ П. Т. М-ву отъ 7 Іюня 1852.

(50) Въ основаніе сего дома Ал. Ск. положилъ не мало трудовъ и усилий. Первая о семъ заведеніи мысль ему представилась въ 1848 г. Онъ посвѣшилъ высказать ее печатно, — и съ помощію Божіею и добродѣтельныхъ дателей къ 1-му Ноябрю 1850 г. домъ этотъ былъ открытъ. Ал. Ск. начерталъ «уставъ» его и «наставленіе для сестеръ», Христа ради служащихъ больнымъ; вслѣдствіи содѣйствовалъ его развитію и пріуспѣнію; короче, до конца жизни былъ его попечителемъ въ самомъ полномъ значеніи этого слова. Въ пользу сего-то дома онъ предназначалъ и выручку отъ продажи послѣдняго своего труда: «Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ Русскихъ съ 1795 по 1855 годъ».

Однако съ усиленіемъ невыразимымъ стараюсь усмирить бурю помысловъ моихъ, и каждый день, каждый часъ повторяю и отношу къ себѣ многогрѣшному словеса Господни: *ходите, дождеже свѣтъ имате* (Іоан. XII. 35): *прійдетъ ночь, егда никтоже можетъ дѣлати* (Іоан. IX. 4.). Какъ бы вѣщалъ ко мнѣ Господь: *о малъ ми буди впренѣ* (Матѣ. XXV. 23), *изыди на дѣланіе твое до вечера*, т. е. остатокъ здравія, силъ и зрѣнія твоего употреби по мановенію моему. Вотъ почему я удосуживаюсь болѣе и болѣе отъ домашнихъ дѣлъ, передаю эти заботы моему зятю, а самъ занимаюсь въ работники у домовитаго и щедраго Господина моего».

«И подлинно: подметаетъ ли кто изъ насъ помость нерукотвореннаго храма Божія на земли, съетъ ли кто во упованіи горчичныя сѣмена, или черпаетъ малою чашею изъ источника исцѣленій, или перебираетъ тихомолкомъ четки помысловъ умиленныхъ, — все что дѣлается ради Его, равно угодно Ему и цѣлбно намъ грѣшнымъ».

«И такъ будемъ мы, каждый своею стезею, отбывать заданный намъ свыше урокъ, не забывая притомъ и горячей молитвы о восточныхъ братіяхъ нашихъ и общей Матери нашей. Она нынѣ болѣе чѣмъ когда либо бѣдствуетъ подъ угрозою мусульманскаго меча, водимаго, изощряемаго коварствомъ и ненавистію запада»....

Послѣ сихъ строкъ А. С. недолго отбывалъ свой урокъ; по обычаю, проведя зиму въ Одессѣ, а начало весны 1854 г. въ Пріютѣ, онъ въ концѣ Мая неохотно поѣхалъ въ Манзырь, въ *последній разъ*, какъ писалъ дочери ⁽⁵¹⁾. И точно, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, въ ночь на 8-е Іюня нервическій ударъ разбилъ лѣвую половку

(51) И духовному огню онъ писалъ передъ выѣздомъ изъ Пріюта: «я собираюсь въ недалеій путь, какъ въ прирачную даль, безъ всякой охоты».

ну его тѣла, связалъ его языкъ, закрылъ его глаза, пода-
вилъ его сознание. Въ такомъ безпомощномъ состояніи
страдалецъ пребылъ до 13-го числа, утромъ коего онъ тихо
почилъ сномъ смерти. Господь да успокоитъ его душу въ
дому своемъ (Іоан. XIV, 2.), и память его да сохранится
долго на святой Руси!

Диктіадисъ.

4229!

ТМБ

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА